

В. Н. Ярхо

НОВЫЙ ЭПОД АРХИЛОХА

Силье четверти века назад, откликаясь на паросскую надпись, содержащую левую половину тридцати одного стиха Архилоха, Вернер Пек замечал с сожалением: «Наконец, мы узнали бы, как в действительности выглядело стихотворение Архилоха, если бы зависть богов допустила нас до такого дара»¹. Теперь пожелание Пека почти что осуществилось: папирусный лист, добытый при демонтаже мумии, донес до нас в редкой сохранности 40 стихов Архилоха — вторую половину одного эпода и начальные 5 строк следующего². Эта находка, вызвавшая огромный поток откликов³, не получила до сих пор, насколько мне из-

¹ Peek W. Neues von Archilochos. — Ph. 1955, В. 99, S. 4.

² P. Köln. inv. № 7511, лицевая сторона. 1/11 в., 10 × 21 см. Ed. pr.: Merkelbach R., West M. L. Ein Archylochos-Papyrus. — ZPE, 1974, В. 14, S. 97—112. Edd.: Supplementum lyricis Graecis. Ed. Denys Page. Oxf., 1974 (далее — SLG), p. 151—154; Lirici greci. Antologia a cura di E. Degani e G. Burzacchini. Firenze, 1977 (далее — LG), p. 3—22; Kölner Papyri. В. 2, bearb. von B. Kramer und D. Hagedorn. Opladen, 1978, № 58, S. 13—31.

³ В приводимый ниже список включена литература, известная мне к началу 1981 г. Для облегчения пользования работой приводятся в алфавитном порядке по фамилиям авторов, а не по мере их выхода в свет. Не учитываются газетные публикации и предварительные сообщения, использованные затем их авторами в более обстоятельных статьях.

Aloni A. P. Köln. 2, 58, v. 32. — ZPE, 1980, В. 40, S. 33—35; Andrisano A. Nota al nuovo Archiloco. — MCr, 1979, v. 13—14, p. 39 sq.; Barigazzi A. Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 5—10; Bona G. P. Colon. inv. 7511: Nuovo Archiloco. — REIC, 1974, v. 102, p. 397 sq.; Bonanno N. G. Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 11—13; eadem. Nota al nuovo Archiloco. — MCr, 1975/7, v. X—XII, p. 37—43; Bossi F. Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 14—17; Burzacchini G. Nota al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 18; Calder W. M. Archilochus, the Cologne Eotic Fragment: a Note. — CJ, 1979, v. 75, p. 42 f.; Campbell D. A. The Language of the New Archilochus. — Ar, 1976, v. 9, p. 151—157; idem. The Cologne Archilochus. «A beard coming?» — CQu, 1978, v. 28, p. 473 f.; Casadio V. Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 19—21; Casanova A. Un'interpretazione del nuovo Archiloco. — Prometheus, 1976, v. 2, p. 18—40; Cataudella Q. Nuovo Archiloco. — CS, 1974, v. 13, p. 32—38; idem. Glossa esichiana a un verso dell'epodo di Archiloco del Pap. Coloniense. — Sileno, 1975, v. I, p. 307 s.; Degani E. Il nuovo Archiloco. — AR, 1974, v. 19, p. 113—128; idem. Πίρεξ το θεϊον ὑρῆμα nel nuovo Archiloco di Colonia. — QU, 1975, v. 20, p. 229; idem. Sul nuovo Archiloco (Pap. Colon. inv. 7511). — In: Poeti greci giambici ed elegiaci. Letture critiche a cura di Enzo Degani. Milano, 1977 (далее — PGGE), p. 15—43; idem. Sull' autenticità del nuovo epodo archiloco di Colonia. — In: Studi in onore di Anthos Ardizzoni. Roma, 1978, p. 291—317; Ebert J., Luppe W. Zum neuen Archilochos-Papyrus. — ZPE, 1975, В. 16, S. 223—233; Flashar H., Gelzer T., Koenen L., Maurer K., Theiler W., West M. L. Ein wiedergefundenes Archilochos-Gedicht? — Poetica, 1974, В. 6 (далее — Poetica), S. 468—512; Führer R. Рец. на кн.: Supplementum lyricis. Graecis. Ed. D. Page. Oxf., 1974. — GGA, 1977, В. 229 (далее — GGA), S. 35—44; idem. Nachtrag zum Kölner Archilochos (P. Colon. 7511). — ZPE, 1978, В. 29, S. 40; Gallavotti C. Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 22—31; Gangutia E. La poesia griega «de amigo» y los recientes hallazgos de Arquiloco. — Emerita, 1977, v.

вестно, освещения в нашей научной периодике. Между тем, значение ее трудно переоценить, поскольку всего лишь несколько наиболее крупных цитат, дошедших от Архилоха, достигают 7—10 стихов, а из открытых в 50-е годы папирусных текстов только один дает связное изложение в пределах 14 строк. Вокруг нового папируса (речь идет, главным образом, о первом, до тех пор совершенно неизвестном эподе) разгорелась оживленная дискуссия едва ли не в первый же день его опубликования, поскольку многие исследователи получили возможность ознакомиться с копией Кельнского папируса еще задолго до выхода в свет первого его издания⁴. Уже в апреле 1974 г., почти одновременно с появлением editio princeps, состоялась представительная конференция с участием видных итальянских ученых в Институте классической филологии университета в Урбино, полтора месяца спустя — в Болонье. Материалы обоих симпозиумов получили отражение в журнале «Museum Criticum», который уделит им добрую треть внушительного тома 8—9 (1973/74), увидевшего

45, p. 1—6; *Gelzer Th.*, Archilochos und der neue Kölner Papyrus. — MH, 1975, B. 32, S. 12—32; *Gentili B.* Рец. на кн.: Supplementum lyricis Graecis. Ed. D. Page. Oxf., 1974. — Gnomon, 1976, B. 48, S. 748—750; *idem.* Nota ad Archiloco, P. Col. 7511; fr. 2 Tard., 2 West. — QU, 1976, v. 21, p. 17—21; *idem.* Archiloco e i livelli della realtà (машинписанный экземпляр статьи для ICS, 1982); *Henderson J.* The Cologne Epod and the Conventions of Early Greek Erotic Poetry. — Ar, 1976, v. 9, p. 159—179; *Kamerbeek J. C.* Remarques sur le nouvel Archiloque. — Mn, 1976, v. 29, p. 113—128; *Kannicht R.* Archilochos, Horaz und Hephaistion (Zu P. Colon. inv. 7511). — ZPE, 1975, B. 18, S. 285—287; *Koenen L.* Papyrology in the Federal Republic of Germany. — StP, 1976, v. 15, p. 41—44, 79; *idem.* Λευκόν μένος. — ZPE, 1978, B. 32, S. 200; *idem.* Τὼν τρις ἀρχέσσι. — ZPE, 1980, B. 37, S. 196 f.; *Lasserre F.* Archiloque et la fille aux cheveux blonds. — AC, 1975, v. 44, p. 506—530; *Lefkowitz M. R.* Fictions in Literary Biography: the New Poem and the Archilochus Legend. — Ar, 1976, v. 9, p. 181—189; *Marcovich M.* A New Poem of Archilochus: P. Colon. inv. 7511. — GRBS, 1975, v. 16, p. 5—14; *Marzullo B.* Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 32—92; *Medaglia S. M.* Archiloco, Orazio e il secondo epodo di Colonia. — QU, 1977, v. 25, p. 1—15; *idem.* Note archilochee. — BCom, 1977, № 25, p. 68 sq.; *Melero Bellido A., Suárez de la Torre E.* Un reciente problema para la filología clásica: el nuevo fragmento atribuido a Arquiloco. — CFC, 1977, v. 13, p. 167—197; *Merkelbach R.* Epilog des einen der Herausgeber. — ZPE, 1974, B. 14, S. 113; *idem.* Nachtrage zu Archilochos. — ZPE, 1975, B. 16, S. 220—222; *Montanari O.* Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1973/74, v. 8—9, p. 93 s.; *Morrone R.* La scelta di Archiloco. — BCom, 1976, № 24, p. 27—31; *Nagy G.* Iambos: Typologies of Invective and Praise. — Ar, 1976, v. 9, p. 191—205; *Parsons P.* Recent Papyrus Finds: Greek Poetry (машинписанный экземпляр доклада, прочитанного на пленарном заседании VII конгресса ФИЕК в Будапеште в сентябре 1979 г.); *Rankin H. D.* The Cologne Papyrus and Archilochus' Association with the Lycambids. — AC, 1975, v. 44, p. 605—611; *idem.* The New Archilochus and some Archilochean Questions. — QU, 1978, v. 28, p. 7—27; *Raubitschek A. E.* Zu Pap. Köln. 58. — ZPE, 1980, B. 39, S. 48; *Risch E.* Sprachliche Betrachtungen zum neuen Archilochos-Fragment. — GB, 1975, B. 4, S. 219—229; *Rösler W.* Die Dichtung des Archilochos und die neue Kölner Epode. — RhM, 1976, B. 119, S. 241—266; *Rossi L. E.* Asynarteta from the Archaic to the Alexandrian Poets: on the Authenticity of the New Archilochus. — Ar, 1976, v. 9, p. 207—229; *Rubin N. F.* Archilochus' Erotic Fragment. — CJ, 1978/79, v. 74, p. 136—141; *Sisti F.* Sul Pap. Col. inv. 7511. — RCCM, 1975, v. 17, p. 221—232; *Slings S. R.* Three Notes on the new Archilochus Papyrus. — ZPE, 1975, B. 18, S. 170; *idem.* Archilochus, the hasty Mind and the Hasty Bitch. — ZPE, 1976, B. 21, S. 283—288; *Stoessl F.* Das Liebesgedicht des Archilochus (P. Colon. 7511), seine literarische Form und sein Zeugnis über Leben und Sitten im Paros des 7. Jh. a. C. — RhM, 1976, B. 119, S. 241—266; *Tammaro V.* Note al nuovo Archiloco. — MCr, 1978/79, v. 13—14, p. 45—48; *Theiler W.* Die Überraschung des Kölner Archilochos. — MH, 1977, B. 34, S. 56—71; *Treu M.* Archilochos und die Schwester. — RhM, 1976, B. 119, S. 97—126; *Van Sickle J.* Archilochus: a New Fragment of an Epode. — CJ, 1975, v. 71, p. 1—15; *idem.* The new erotic fragment of Archilochos. — QU, 1975, v. 20, p. 123—156; *idem.* Introduction. — Ar, 1976, v. 9, p. 133—145; *West M. L.* Archilochus ludens. — ZPE, 1975, v. 16, p. 217—219; *idem.* Two Notes on the Cologne Epode of Archilochus. — ZPE, 1977, v. 26, p. 44—48.

Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность моим зарубежным коллегам, оказавшим мне неоценимую помощь в ознакомлении с литературой по Архилоху: д-ру П. Парсонсу и проф. М. Л. Весту (Великобритания), проф. М. Марковичу (США), доц. И. Эберту и д-ру В. Луппе (ГДР), проф. Э. Дегани и его коллегам, проф. Б. Дженгети и его коллегам, д-ру А. Алони, д-ру С. Медалья (Италия), проф. М. Фернандес-Гальяно (Испания).

⁴ *Degani*, Il nuovo Archiloco, p. 113; *Van Sickle*, Introduction, p. 133 f.

свет в начале 1975 г. Специальный номер посвятил новому эподу американский журнал «Аретуза» (т. 9, № 2, 1976).

Мы начнем с воспроизведения папирусного текста, который при вполне благополучном общем состоянии все же несколько поврежден с обеих сторон: с левого края, начиная со ст. 9, нехватает, в нарастающем порядке, от одной до пяти букв; оборван и правый край. Все это влечет за собой необходимость дополнений, зачастую довольно противоречивых. В приводимом ниже тексте бесспорные дополнения не обозначаются; из остальных я включаю те дополнения из накопившегося богатого репертуара, которые отвечают моему пониманию эпода. Источник дополнений указывается в аппарате, кроме тех случаев, когда предлагаемое здесь чтение совпадает с ed. pr. В аппарате же дается ограниченное количество возможных вариантов; под ним — самые необходимые loci paralleli из поэзии архаического периода. Полную сводку дополнений и параллельных мест читатель найдет во II томе Кельнских папирусов (см. прим. 2); обсуждение многих из них — в издании Дегани (LG).

Размер:

1—35 ∪ — ∪ — ∪ | — ∪ — × — ∪ —
 — ∪ — ∪ — ∪ || × — ∪ — × — ∪ — ⁵
 36—40 — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ | — ∪ — ∪ —
 × — ∪ — × | — ∪ — ∪ — ∪

- πάμπαν ἀποσχόμενος· ἴσονδὲ τολμ[
 εἰ δ' ὦν ἐπείγῃσι καὶ σε θυμὸς ἰθύει,
 ἔστιν ἐν ἡμετέρου ἢ νῦν μέγ' ἰμείρειν [ἀμμου]
 4 καλὴ τέρεινα παρθένος· δοκέω δέ μιν
 εἶδος ἀμωμον ἔχειν· τὴν δὲ σοὶ ποιή[σαι φίλην].
 τοσαυτ' ἐφώνει· τὴν δ' ἐγὼ ἀναμειβόμεν·
 8 «Ἀμφιμεδοῦς θυγάτηρ, ἐσθλῆς τε καὶ [σαφρονος]
 γυναικός, ἣν νῦν γῆ καὶ εὐφροσύνη
 τέρπιές εἰσι θεῆς· πολλαὶ νέοισιν ἀνδράσιν
 παρέξ τὸ θεῖον χρίμα· τῶν τις ἀρκέσει.
 12 ταῦτα δ' ἐπ' ἡσυχίᾳ εὐτ' ἀν μελανθῆ[ι εὐφρόνη]
 ἐγὼ τε καὶ σύ σοὺ θεῶι βουλεύσομεν·
 [π]είσομαι ὡς με κέλευσι· πολλὸν μ' ἐ[ποθρύνει πόθος]
 θριγκοῦ δ' ἐνερθε καὶ πυλέων ὑποφ[
 16 μὴ τι μεγάρις, φίλη· σχήσω γὰρ ἐς ποη[τρόφους]
 κήρυξ, τὸ δὲ νῦν γινῶθι· Νεοβούλην γέ τις]
 ἄλλος ἀνὴρ ἐχέτω· αἰαὶ πέπειρα δις [τόση·]
 ἄνθος δ' ἀπερρύθηκε παρθενῆτιον
 καὶ χάρις ἣ πρὶν ἐπῆν· κόρον γὰρ οὐκ [ἔχει πόθων]
 20 [ατ]ῆς δὲ μέτρ' ἐφῆνε μαινόλις γυνή·
 ἐς κόρακας ἀπεχε· μὴ τοῦτ' ἐφοῖτ' ἄν[
 ὅπως ἐγὼ γυναῖκα τοιαύτην ἔχω
 γείτοσι χάρμ' ἔσομαι· πολλὸν σὲ βούλο[μαι γαμεῖν]
 24 σὺ μὲν γὰρ οὐτ' ἄπιστος οὔτε διπλόη,
 ἦ δὲ μάλ' ὀξυτέρη, πολλοὺς δὲ ποιεῖται[φίλους·]

⁵ Зияние на стыке hemiopes и диметра: ст. 3, 17; в той же позиции краткий вместо долгого: ст. 1 (реликт дигаммы в ἴσον?), 7, 21, 23, 33; просодическое или эмфатическое удлинение в κόρακας, ст. 21. Тот же размер, что в строке второй (в папирусе — нечетные стихи), — в фр. 196 West (Iambi et elegi Graeci..., v. 1. Oxonii, 1971; по этому изданию далее даются ссылки на фрагменты Архилоха и Гипшоакта). Единственная аналогия в античной поэзии эподическому двустипию в целом — XI эпод Горация, вплоть до следования Архилоху в деталях (краткий вместо долгого в ст. 6, 10, 26). Однако разработка любовной темы у римского поэта весьма существенно отличается от греческого оригинала, несмотря на попытку Лассерра (op. cit., p. 520—525) доказать обратное.

- δεδοιχ' ὅπως μὴ τυφλά κάλι-τήμερα
 σπουδῆι ἐπειγόμενος τῶς ὡσπερ ἡ κ[ύων τέκω].
 28 τοςαὔτ' ἐφώνεον· παρθένον δ' ἐν ἀνθε[σιν]
 [τηλ]εθάσσει λαβῶν ἔκλινα· μαλθακῆτι δ[έ μιν]
 [χλαί]νῃ καλύφας, αὐχέν' ἀγκάλησ' ἔχων,
 32 δείματι παυσαμένην τῶς ὡστε νεβρ[όν]
 [μαζ]ῶν τε χερσίν ἠπίως ἐρηφάμην
 [ἡ δ' ἄ]ρ' ἔφηγε νέον ἡβῆς ἐπὶ γλυσιν χροά.
 [ἅπαν τ]ε σῶμα καλὸν ἀμφαφώμενος
 [λευκ]ὸν ἀφῆνα μένος ξανθῆς ἐπιφαύ[ων τριχός].
 36 [Οὐκ ἐ]θ' ὁμῶς θάλλεις ἀπαλὸν χροά, κάρφετατι γάρ ἦδε,
 ὄγμοις, κακοῦ δὲ γήραος καθαιρεῖ
 [αἰσά σ'], ἀφ' ἡμερτοῦ δὲ θορῶν γλυκὺς ἴμερος π[ροσώπου]
 [πέπτω]κεν· ἡ γὰρ πολλὰ δὴ σ' ἐπιῆξεν
 40 [πνεύμ]ατα χειμεριῶν ἀνέμων μά<λα> πολλάκις δε[

Apparatus criticus

1 τὸλμ[ησον ποθεῖν] ed. pr.; τὸλμ[ησον παθεῖν] Ebert-Luppe; τολμη[σαι σε
 δεῖ] Perusino apud Degani, Il nuovo Archiloco; τὸλμ[ησον φροεῖν] Dega-
 ni, LG || 3 [ι σέθεν] ed. pr., Marcovich; [λέχεος] Ebert-Luppe || 5 ποιη[σαι φίλην]
 Ebert-Luppe || 7 [σαόφρονος] Marcovich, Bossi coll. Eur., Alc. 615s.; [σοφοτάτης]
 Snell apud ed. pr. || 11 [εὐφρόνη] Burzacchini apud Degani LG; [ι γ' ἔσπε-
 ρος] Marzullo || 13 [πίσσομαι] West; ἐ[ποθρύνει πόθος] Koenen; ἐ[ποθρύνει δ' ἔρωσ]
 Marcovich; ἐ[πέσσυτο πόθος] Degani coll. Hom., Il. IX 398s.; ἐ[θέλεξε σὺς
 λόγος] Ebert-Luppe || 14 ὄποφ[θανεῖν] West || 15 ποιη[τροφους] Snell ap. ed. pr. ||
 16 [ν γέ τις] Casadio; [ν δέ τις] ed. pr. || 17 διε[τροφη] West. Two Notes...,
 p. 47 f. || 19 [ἔχει πόθων] Austin ap. ed. pr.; [πίσσομαι] Ebert-Luppe || 20
 [ἄτ]ης Snell ap. ed. pr.; [ὀργ]ῆς Ebert-Luppe || 21 ἐφοῖτ' ἀν[αξ θεῶν] Page SLG;
 ἐφισταίη[ακόν] Lasserre || 23 [γαμειν] aut [εχειν] Ebert-Luppe; [φιλεῖν] aut
 [ἐράν] Marzullo || 25 [δολους] Bonanno, Note || 29 δ' [ἐνι] Tammaro || 31 [δεῖ]
 ματι West; νεβρ[όν εἰλόμην] Page ap. ed. pr.; [όν θελεζάμην] Degani || 32 [μαζ]ῶν
 West; [μηρ]ῶν Merkelbach, Aloisi || 33 ἔφηγε: η supra αι Pap.; [ἡ δ' ἄ]ρ'
 Bossi, Van Sickle; [ἡ παρ]εσ West coll. Hom., Il. XII 389 || 34 [ἅπαν τ]ε
 West; [έγῳ δ]ε Snell || 35 [λευκ]ὸν Merkelbach, Degani coll. Dioscoride AP V
 55,7; [θερμ]ὸν West; [τοῦρ]ῶν Van Sicle, Gentili; [κόμη]ς Führer, Tammaro;
 [κόρη]ς Gallavotti || 36 sine ullo intervallo sequitur; fortasse paragrapho in
 margine sinistro non servato divisus erat || 36—37=fr. 188 || 38 [αἰσά σ']
 West; [μοῖρ]ά σ' Marzullo; [πημ]ά σ' Snell || 39 [λέλοι]πεν ed. pr. || 40 [πνεύμ]
 ατα Lebek ap. ed. pr.; πο supra μα Pap.

Loci paralleli

2 θυμός [θεο]ι H. Merc. 475s.; Slings. Op. cit., 283—286; Bonanno, Nota ||
 3 ἐν ἡμετέρῳ Hom., Od. VIII 132; XI 414; H. Merc. 370; μέγ' ἰμισίρει Hom.,
 Il. XIV 463; Hes., Theog. 177; Arch. 89,5 || 4 καλή τέρπεινα παρθένος Hip-
 pon., fr. 119 || 5 εἶδος ἀμωμον Hes., Theog. 259; εἶδος ἔχειν Hom., Od. IV
 14; Hes., Theog. 908; ποιη[σαι φίλην] Hom., Il. IX 397 (ἄλοισιν) || 9s πολ-
 λα...των... Hom., Il. IX 395—397 || 11 ἐπ' ἡσυχίης...βουλευσομεν Phocyl.
 8 D³; εὐτ' ἄν Hom., Il. I 242; Hes., Op. 181; Arch. fr. 3,2 || 13 πείσομαι ὡς με
 κέλει Hom., Il. XXI 96 || 15 μὴ τι μέγαυρε Hom., Od. III 55; σχῆσω... ἐς
 Hom., Od. III 182 || 16 νῶν γνῶθι Arch., fr. 89,17; 113,9 || 17 ἐχέτω Hom.,
 Il. III 282; πέπειρα Anacr., fr. 423 PMG || 18 ἄνθος...παρθενητιον H. Cer. 108 ||
 20 μαινόλις Sapph., fr. 1,18 LP || 21 ἐς κόρακας Theog. 833 || 23 γείτοσι χάρμα
 Hes., Op. 701; Semon. 7, 110s.; πολλὸν σε βούλομαι Hom., Il. I 112s.; Arch.,
 fr. 54,14 || 27 τῶς ὡσπερ Hom., Il. III 415; Od. XIX 234; Alc., fr. 1, 46 ||
 || 28s. ἀνθεσιν τηλεθάσσει H. Dion. 40s. || 30 ἀγκάλησ' ἔχων Hom., Il. XIV
 353 || 31 ὡστε νεβρόν Hom., Il. IV 243; Anacr. fr. 408 PMG || 32 χερσίν...

ἔφραμην Hom., Od. V 348 || 34 ἀφαφόμενος Hom., Od. XIX 474s. || 35 ἀφρα
μένος Hom., Il. XIII 444 || 36 οὐκέθ' ὄμῳς Hom., Il. IX 605; Theogn. 930 ||
38 ἕμερος προσώπου Sappho, fr. 112,4 LP || 40 μάλα πολλάκις Hom., Il. VIII
362.

Перевод

1—35: «... совершенно воздержавшись. Решись (на) такое же... Если же все-таки ты так настаиваешь и тебя побуждает желание, есть у нас та, которая теперь сильно желает (брака с тобой), — прекрасная, нежная девушка. По-моему, внешность ее безупречна. Ее ты и сделай (своей женой)». Так она говорила, я же ей отвечал:

«Дочь Амфимедо, благородной и (добродетельной) женщины, которой теперь владеет сырая земля, у молодых людей есть много усад, доставляемых богиней, независимо от божественного дела; одной из них будет достаточно. О том же (что касается свадьбы), мы с тобой обсудим с божьей помощью на покое, как только стемнеет. Я послушаюсь тебя (и поступлю), как ты велишь; сильно меня (побуждает желание)... под карнизом и сводом ворот. Не отказывай (мне), милая, ибо я причалю в травянистом саду. Вот что теперь узнай: пусть Необулу берет другой муж. Увы, она вдвое тебя старше, увял цвет ее девичества и прежнее очарование. Насыщения она не (знает в желании) и явила размеры своего ослепления, безумная женщина. Провались она совсем! Да не пошлет этого (владыка богов), чтобы я с такой женой стал посмешищем для соседей. Большу хочу (жениться) на тебе, ибо ты не лжива и не двоедушна, она же слишком проворна и многих делает (своими друзьями). Боюсь, как бы, поторопившись, не произвел я на свет, как собака, слепых и недоношенных».

Так я сказал. Взяв девушку, я положил ее среди распустившихся цветов, накрыв тонким плащом, обнимая руками за шею; я начал успокаивать ее, трепетавшую от страха, как лань, и нежно прикоснулся к грудям. Она же явила мне молодое тело, очарование юности; и обнимая ее прекрасное тело, я исторг (белую) жизненную силу, прикасаясь к ее белокурым волосам.

36—40: Не цветешь ты больше нежной кожей, ибо она уже стягивается морщинами; убивает тебя злая старость и не дышет твое внушавшее страсть лицо покинувшим его сладостным желанием. Много раз обрушилось на тебя дыхание зимних бурь и очень часто...

Принадлежность первого эпода Архилоху, заподозренная по субъективным соображениям некоторыми исследователями⁶, в действительности не может вызывать сомнений.

1. Словосочетание *δὲς τὸση* (ст. 17) сохранено у Гесихия с пометкой τῆς ἡλικίας. Архилоχος (фр. 242), причем толкование лексикографа вполне отвечает смыслу стиха в новом эподе, где речь идет о различии в возрасте. По-видимому, Гесихий пользовался при составлении своего словаря каким-то комментарием к ныне найденному эподу и из этого труда извлек целый ряд глосс⁷, в том числе к ст. 3 и 10 — очень важные для понимания всего стихотворения, о чем см. ниже.

2. Первые два стиха второго эпода давно известны как принадлежащие Архилоху (фр. 188), и представляется маловероятным проникновение чужого стихотворения в хорошее издание I или II вв., восходящее скорее всего, к корпусу, составленному александрийскими грамматиками,

⁶ Gelzer, Op. cit., Marzullo. Op. cit.; Theiler. Op. cit.

⁷ West. Two Notes..., p. 48; Degani. Sull' autenticità..., p. 307 s.

ми⁸. Особенно же существенно, что и по содержанию ст. 36—40 дают в значительной мере ключ к пониманию первого эпода.

Объектом обличения в этих начальных стихах служит, по общему признанию, Небула — дочь знатного паросского гражданина Ликамба, которую отец, согласно античной биографической традиции, сначала просватал за Архилоха, а затем нарушил данное слово. Архилох, если верить той же традиции, обрушил на нарушителя клятвы и его дочь такой поток оскорбительных стихов⁹, что оба они, не вынеся позора, повесились. К вопросу о достоверности этих свидетельств мы еще вернемся; пока же важно отметить, что Небула упоминается и в новом эподе (ст. 16—25) и притом в ситуации, не согласующейся с античной традицией: здесь говорящий сам отказывается от предложения взять ее в жены, поскольку Небула рано состарилась вследствие того, что она слишком часто предается необузданной страсти, не зная ей насыщения, — жениться на такой особе значит сделать себя посмешищем для соседей¹⁰.

От кого же исходит предложение, которое Архилох столь энергично отвергает? Для ответа на этот вопрос вернемся к первым стихам папируса.

Здесь текст явно начинается примерно с середины речи девушки (дочери Амфимедо, 7), отвечающей на какие-то не дошедшие до нас слова молодого человека. Как видно, он предложил ей вступить в брак (который юридически мог быть заключен, естественно, только с согласия ее *xórios*¹¹) и, не дожидаясь официальной церемонии, отвелась здесь же утех любви. Собеседница с этим несогласна и советует молодому человеку «совершенно воздержаться», — вероятно, как от официального предложения руки и сердца, так и от практических действий до брака. Каковы были ее доводы против вступления в брак, мы не знаем, скорее всего, слишком юный возраст¹². Завершение ст. 1 до сих пор остается проблематичным; во всяком случае ясно, что девушка предлагает говорящему вынести (вытерпеть) нечто равное тому, что готова вынести она. Впрочем, продолжает она, если молодой человек не в состоянии бороться с желанием¹³, то ему надо обратиться к другой особе, которая страстно стремится к соединению с ним. Говорящая характеризует ее как «прекрасную нежную девушку» с безупречной внешностью и предлагает Архилоху сделать ее своей женой (4—5). О ком идет речь? Поскольку в ст. 16—25 автор дает резко отрицательную оценку Небулы и отклоняет возможный брак с ней, эти слова надо считать ответом на предложение, сделанное в ст. 2 —

⁸ Koehn. Poetica, S. 505f. Опровержение доводов Гельцера, Марцулло и Тейлера сточки зрения стиля, языка и метрики нового эпода см. *Kannicht*. Op. cit.; *Risch*. Op. cit.; *Lasserre*. Op. cit., p. 514—515; *Van Sickle*. Introduction, p. 134—137; *Rossi*. Op. cit.; *Rösler*. Op. cit., S. 290—293; *Melero, Suárez*, Op. cit., p. 190—197; *Führer*. GGA, S. 40—44; *idem*. Nachtrag...; *Degani, Sull' autenticità*... Об отражении нового эпода у Феокрита и в эллинистической эпиграмме как важном аргументе в пользу авторства Архилоха см. *Henrichs A.* Riper than a pear: Parian Invective in Theokritos. — ZPE, 1980, B. 39, S. 9, 14—27.

⁹ К эподу, начало которого представлено ст. 36—40, относятся по размеру также фр. 189—191. К первому из них см. *Gerber D. E.* Eels in Archilochus. — QU, 1973, v. 16, p. 105—109; *Degani E.* Note archilochae. — QU, 1976, v. 21, p. 23 sq.; *Merkelbach*. Nachtrag... S. 222. Что касается фр. 191, то в нем едва ли описывается страсть Небулы: до Саффо греческая лирика мало интересовалась внутренним состоянием влюбленной женщины. См. *Jarcho V.* Zum Menschenbild der nachhomerischen Dichtung. — Ph, 1968, B. 112, N 3—4, S. 157—161.

¹⁰ Ст. 26 сл., по общему мнению, не имеют отношения к нравственному облику Небулы. Это пословица, которой Архилох хочет сказать, что не следует торопиться с решением при выборе невесты («поспешишь — людей насмешишь»). См. *Degani*. LG, p. 19; *Moran W. L.* An Assyriological Gloss on the New Archilochus Fragment. — HS, 1978, v. 82, p. 17—19; *Bremmer J.* An Akkadian Hasty Bitch and the New Archilochus. — ZPE, 1980, B. 39, S. 28. Ср. также *Medaglia S. M.* Da Archiloco a Callimaco (fr. 529 Pf.). — BCom, 1979, № 27, p. 41—46.

¹¹ *Rösler*. Op. cit., S. 292.

¹² *Degani*. Il nuovo Archiloco, p. 116; *Ebert—Luppe*. Op. cit., S. 227; *Van Sickle*. Archilochus, p. 4; *Sisti*. Op. cit., p. 226; *Führer*. GGA, S. 36; *Parsons*. Op. cit., p. 3.

¹³ *Hesych*.: ἰθὺν βούλεται, ἐφορμᾷ, φέρεται.

5¹⁴. Стало быть, девушка имела в виду Необулу. Труднее решить вопрос, кем она приходится Необуле.

Большинство исследователей считает участницу диалога младшей сестрой Необулы, выдвигая в пользу этого следующие доводы.

1. Выражение ἐν ἡμετέροῦ (ст. 3) по аналогии с гомеровским словопотреблением должно якобы обозначать «у нас в доме», и, стало быть, говорящая живет с Необулой под одной крышей; если она ей не родная сестра, то во всяком случае близкая родственница¹⁵.

2. У Архилоха упоминалась младшая дочь Ликамба (фр. 38), а в папирусном обрывке рядом с именем Ликамба читаются слова ἡλιχίαι?, ἐγὼ γεραιτ[έρην], ἐδεξάμην... αὐχέν?, ἦδε δ' ἄζ[υγα?], οὐ σε βούλο[μαι?], παρθέν[...]. (фр. 54) — похоже, что Архилох в каком-то другом произведении противопоставлял младшую дочь старшей и, вероятно, хвалился тем, что соблазнил обеих.

3. Эта версия подтверждается, по-видимому, биографической традицией, сложившейся во всяком случае не позже начала эллинистической эпохи, согласно которой Архилох клеветал на дочерей Ликамба, обвиняя их в распутстве и в сожительстве с ним (см. подробнее ниже).

Сводя вместе эти данные, многие исследователи видят в Кельнском эпосе новое свидетельство об отношениях Архилоха с дочерьми Ликамба: автор повествует-де о том, как он соблазнил младшую дочь Ликамба, не упуская случая лишней раз опозорить старшую, и таким образом мстит Ликамбу за расстроенную им свадьбу¹⁶. Против этого толкования можно выдвинуть, однако, целый ряд возражений.

1. Сочетание ἐν ἡμετέροῦ Гесихий толкует как παρ' ἡμῶν, ἐν ἡμῶν — «у нас», и это существенно меняет дело: в устах жительницы небольшого города «у нас» может означать едва ли не весь Парос, и такое обозначение обстоятельства места ничуть не свидетельствует о родственных связях между собеседницей рассказчика и Необулой¹⁷.

2. На протяжении всего дошедшего до нас текста нигде не встречается имя Ликамба, в то время как в уже упоминавшихся фр. 18 и 54 оно появляется незамедлительно, как только речь заходит о его дочерях. Напротив, в Кельнском фрагменте автор обращается к девушке, называя ее дочерью умершей Амфимедо (ст. 7). Было предложено множество объяснений этого необычного обращения, в том числе и нежелание Архилоха повторять лишней раз ненавистное ему имя Ликамба¹⁸, — но если бы целью поэта была очередная клевета на Ликамба и его дочерей, то почему бы он стал избегать имени своего злейшего врага? Напротив, характеристика Амфимедо как благородной и добродетельной женщины может служить лишь комплиментом по адресу ее дочери¹⁹.

3. Впрочем, и к самой своей собеседнице автор относится достаточно деликатно, называя ее «милой» (15) и обещая выполнить ее волю (13). В отличие от Необулы она «не лжива и не двоедушна» (24), и само поношение Необулы звучит как похвала «от обратного» по отношению к уча-

¹⁴ Ср. контрастные характеристики Необулы в речах девушки и молодого человека: καλή τέρευνα, 4 — πέπυρα δις τῶση, 17; παρθένος, 4 — ἄνθος δ' ἀπερούηκε παρθενίον, 18; τὴν δὲ σὺ ποίη[σαι φίλην], 5 — ἄλλος ἀνὴρ ἐχέτω, 17. Против отождествления девушки, о которой идет речь в ст. 3—5, с Необулой, напрасно возражают: *Gelzer*. Op. cit., S. 17 f.; *Marzullo*. Op. cit., p. 38; *Kamerbeek*. Op. cit., p. 119, 121, 126; *Treu*. Op. cit., S. 109—111; *Raubitschek*. Op. cit.

¹⁵ *West*. Poetica, S. 481 f.; *Barigazzi*. Op. cit., p. 5; *Gallavotti*. Note..., p. 23; *Sisti*. Op. cit., p. 224; *Stoessl*. Op. cit., S. 248; *Degani*. PGGE, p. 18—19; *Melero*, *Suárez*. Op. cit., p. 180—182; *Gangutia*. Op. cit., p. 1, 3; *Parsons*. Op. cit., p. 3; *Gentili*. Archiloco..., p. 10 s.

¹⁶ *Merkelbach*. Epilog..., *West*. Poetica, S. 482; *Barigazzi*. Op. cit., p. 5; *Sisti*. Op. cit. p. 229; *Rankin*. The Cologne papyrus..., p. 606; *idem*. The new Archilochus..., p. 19, 26 f.

¹⁷ См. возражения Дегани (PGGE, p. 18 s.), — на мой взгляд, неубедительные.

¹⁸ *Bona*. Op. cit., 398; *Koenen*. Poetica, S. 500; *Marcovich*. Op. cit., p. 8; *Rankin*. The Cologne papyrus..., p. 610; *Van Sickle*. The New Erotic Fragment..., p. 135.

¹⁹ *Marcovich*. Op. cit., p. 8; *Degani*. PGGE, p. 20 s.

стнице диалога; рассказчик хочет жениться на ней именно потому, что ей чужды все отрицательные свойства Необулы. Да и заключительная сцена, в которой Архилох сравнивает девушку с трепещущей от страха ланью, выдержана в выражениях, далеких от грубой откровенности, свойственной Архилоху в описаниях отношений между полами. Словом, из текста никоим образом нельзя сделать вывода, чтобы поэт хотел очернить беседующую с ним девушку и выставить ее такой же распутницей, как опозоренная им Необула. Трудно согласиться и с теми исследователями, которые считают участницу диалога достаточно опытной в любовных делах и не первый раз встречающейся с автором эпода²⁰.

Иное дело, что при самом почтительном отношении рассказчика к его партнерше и ее покойной матери его собственное поведение несомненно может только повредить репутации девушки. Утверждая, что он готов ее слушаться (ст. 13), Архилох в то же время заводит с ней разговор на весьма рискованную тему, упоминая некие услады, доступные молодым людям, «независимо от божественного дела» (10). Сочетание *παρέξ τὸ θεῖον χρῆμα* вызвало сначала противоречивые объяснения: одни считали, что им обозначается законный брак²¹ (и тогда автор побуждает девушку к добрачному сожительству), другие — что имеется в виду любовная игра, не доходящая до последнего предела (*τὰ μέγιστα*, как его обозначает Симефа у Феокрита, II 143)²². Глосса, обнаруженная Дегани²³ в словаре Гесихия (*παρέξ τὸ θεῖον χρῆμα· ἔξω τῆς μίξεως*, 839 Schm.), кладет конец всем сомнениям в пользу второго толкования: речь идет о любовной забаве, исключающей полное соединение и потерю девичьей невинности. Что же касается бракосочетания, то связанные с ним вопросы (я отношу *ταῦτα* в ст. 11 не к предыдущему, поскольку намерение позабавиться с девушкой Архилох осуществляет в пределах этого же эпода, а к последующему) рассказчик надеется обсудить со своей избранницей позже и в более спокойной обстановке (ст. 11—12). Дальше начинаются новые трудности, связанные с пониманием ст. 14—16.

Значительная часть исследователей видит в этих стихах эротические метафоры, параллели которым находят в греческой литературе на протяжении столетий²⁴. Другие хотят видеть в этих строках буквальный смысл: Архилох называет в качестве места свидания городской сад или, скорее, священный участок близ храма Геры, обнесенный стеной с воротами²⁵. Мне это объяснение представляется менее вероятным по трем причинам. Во-первых, *ἄριγχος* в архаической поэзии обозначает не стену вообще, а ее выступающую верхнюю часть, зубец, карниз²⁶ — место,

²⁰ *Treu. Op. cit.*, S. 106—107, 111; *Stoessl. Op. cit.*, S. 248—252; *Rankin. The new Archilochus...*, p. 20.

²¹ *Snell in ed. pr.*, S. 105; *Koenen. Poetica*, S. 501 f.; *Henderson. Op. cit.*, p. 169.

²² *Van Sickle. Archilochus...*, p. 14; *Ebert-Luppe. Op. cit.*, S. 229; *Marcovich. Op. cit.*, p. 14.

²³ *Degani. παρέξ; Cataudella, Glossa esichiana...*; *Van Sickle. Introduction*, p. 138—142; *Gentili. Op. cit.*, Gnomon, p. 749.

²⁴ Ср. к *ἄριγχος* и *πόλαι*: *Aristoph.*, *Lys.* 1163; *Thesm.*, 58—62; *Eur.*, *Cycl.* 502; *A. P.* V 242. К *κῆπος* — *Anacr.*, fr. 446 Page; *Archip. Com.*, fr. 45 A Edm.; *Diog. Laert.*, II 116; *Eur.*, *Cycl.* 171; *Aristoph.*, *Av.* 507; *Lys.* 88. См. *West. Poetica*, S. 483; *Ebert-Luppe. Op. cit.*, S. 229; *Marcovich. Op. cit.*, p. 10—12; *Montanari. Op. cit.*, p. 94; *Van Sickle. Archilochus...*, p. 7; *Breiner J. M. The Meadow of Love and two Passage in Euripides' Hippolytos.* — *Mn*, 1975, v. 28, p. 268—273; *Henderson. Op. cit.*, 164, 170; *cp. idem. The Maculate Muse. Yale Univ. Pr.*, 1975, p. 137; *Koenen. Papyrology...*, p. 79; *Stoessl. Op. cit.*, S. 250; *Melero, Suárez, Op. cit.*, p. 174, 181 s., 185; *Führer. GGA*, S. 40; *Theiler. Op. cit.*, S. 66; *Rankin H. D. Archilochus of Paros. Park Ridge. New Jersey*, 1977, p. 71. См. также *Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Tome II. P.* 4 1970, p. 525, s.v. *κῆπος*.

²⁵ *Marzullo, Op. cit.*, p. 48—52; *Lasserre. Op. cit.*, p. 509—511; *Treu. Op. cit.*, S. 111—117; *Degani, LG*, p. 14 sq.; *idem. PGGE*, p. 29; *Tammaro. Op. cit.*, p. 45; *Gentili, Archiloco*, p. 13 s.

²⁶ *Hom.*, *Od.* VII, 87; XVII, 267. Евмей увенчал стену, окружавшую его двор, колючим кустарником, *ἄριγχιωσεν ἀχέρῳ* (XIV, 10), — ясно, что под *ἄριγχος* разумеется верх стены.

не слишком подходящее для свидания. Во-вторых, рассказчик говорит о себе, что он «причалит в травянистых садах» (15 сл.), — если бы речь шла о его пребывании с дамой в реальном саду, естественнее было бы употребить единственное число. Наконец, будущее время *σχησω*, если отнести его к месту свидания, заставляет предполагать, что свидание состоится некоторое время спустя после разговора, в то время как в новом тексте заключительный эпизод следует немедленно за речью молодого человека.

Так ли, однако, важно, какое значение вкладывает Архилох в ст. 14—16? Заключительная сцена (28—35) показывает, что ему удалось убедить свою партнершу принять участие в достаточно рискованной забаве, смысл которой исследователи расценивают тоже по-разному: одни из них верят в порядочность молодого человека и полагают, что он пощадил невинность девушки; другие видят в его обещании уловку оболыстителя, воспользовавшегося неопытностью своей собеседницы. Следует заметить, что эта сторона вопроса занимает подчас в изучении нового текста место, непропорциональное его историко-литературному значению. Один американский ученый вполне серьезно рассматривает вопрос, где в какой момент находятся руки рассказчика²⁷; другой считает необходимым ввести новый эпизод в русло литературной модели, устанавливающей последовательные этапы сближения между молодыми людьми (любовная беседа — первое соприкосновение — поцелуй и т. д.²⁸), как будто при такого рода встречах требуется непременно знание литературного источника.

Гораздо важнее другое: добровольное участие девушки в заключительном эпизоде в любом случае должно было скомпрометировать ее в глазах окружающих²⁹, которыми в условиях древнегреческих островных микрополисов были практически все их граждане. Как совместить этот несомненный вывод из всего хода действия в эпизоде со столь же несомненным доброжелательным отношением рассказчика к его героине?

Мне представляется единственным выходом из положения признание в вымышленного характера эпизода, составляющего содержание эпода³⁰. Мы не знаем, жила ли когда-нибудь на Паросе или среди паросских колонистов на Фасосе женщина по имени Амфимедо, оставившая после своей смерти дочь-девушку. Имя это в греческих памятниках до сих пор не было засвидетельствовано, хотя сходное с ним — Амфимедон — встречается два раза как раз на Фасосе³¹. Следовательно, имя матери звучало для современников Архилоха вполне правдоподобно, не говоря уже о жизненной достоверности самой ситуации. Однако при существовании реальной семьи покойной Амфимедо огласка случившегося с ее дочерью могла обернуться для девушки трагедией. Если же речь идет о вымышленном происшествии, в рассказе о котором поэт, конечно, мог использовать свои собственные жизненные впечатления³², то его аудитория услышала бы этот любовный анекдот с несомненным интересом, не наносящим, однако, ущерба ничьей репутации.

²⁷ Henderson, *The Cologne Epod...*, p. 173 f.

²⁸ Theiler. *Op. cit.*, S. 56—59, 63—67.

²⁹ В этой связи малоубедительны размышления Штессля о свободе нравов на Паросе (*op. cit.*, S. 255) или Ван Сикля о противопоставлении устаревшего «аристократического» нравственного кода, олицетворяемого именем Амфимедо, некоему новому коду, определяющему поведение ее дочери (*Van Sickle. Archilochus...*, p. 5—7), — при любом «коде» добрачное сожителство не служило в древней Греции украшением для репутации девушки.

³⁰ Другой выход — толкование эпода как рассказа о сновидении; см. Flashar — Maurer, *Poetica*, S. 508—512; Kamerbeek. *Op. cit.*, p. 126 *suiv.* Однако текст не дает оснований для такого толкования.

³¹ IG, XII, 8, 279.12; 376.7.

³² Ср. фр. 30—32, 36, 48, 66, 118—119, 191, 193.

Постулируя фиктивный характер Кельнского эпода, я не склонен разделять широко распространенное в последние годы мнение о фиктивности других персонажей, являющихся объектами нападок Архилоха, т. е. Ликамба и его дочерей. Чтобы понять, откуда возникло такое мнение, надо обратиться к вопросу методологического характера о соотношении действительности и вымысла в древнегреческой лирике.

Раскрытие авторской индивидуальности в архаической древнегреческой поэзии понималось до недавнего времени несколько прямолинейно: всякая фраза, написанная от первого лица, считалась собственным высказыванием поэта. Папирусные находки заставили подходить более осторожно к подобным цитатам. Так, сохранившийся у Плутарха фрагмент из Пиндара («любить нежный кипарис, пренебрегать пастбищем у Иды на Крите. Мне же дан малый клочок земли, а печалей и смут я не вытянул жребия») считали своего рода жизненным кредо поэта; после выхода в свет в 1908 г. пятого тома Оксиринхских папирусов выяснилось, что эти слова были вложены Пиндаром в уста легендарного царя Евксантия (к тому же начало их передано Плутархом неточно; у Пиндара сказано: «Пренебреги душа, кипарисом, пренебреги пастбищем у Иды»³³). Обнаруженную в свое время Кремером в античном глоссарии к Гомеру фразу на эолийском диалекте («я навсегда останусь девушкой») единодушно, хотя и с некоторым недоумением приписывали Сапфо; после опубликования в 1952 г. папирусного отрывка стало ясно, что это — слова Артемиды из посвященного ей гимна Алкея³⁴. Наконец, что, казалось бы, могло быть более личным высказыванием, чем обращение к слушателям самого Гиппонакта, сохраненное латинскими грамматиками: «Услышьте Гиппонакта! Ведь я прихожу...» (fr. 13 Bergk). Однако оказалось, что эти слова сочинены Каллимахом для начала его книги ямбов (фр. 191 Pfeif.).

Что касается Архилоха, то здесь, кроме недостаточного количества фрагментов, содержащих высказывание от 1-го лица, имеется еще свидетельство Крития, отстоящее от времени творчества паросского поэта менее чем на два с половиной столетия. Критий обвинял Архилоха в том, что он вывел себя в своих стихах одинаково злословящим и друзей, и врагов, распутником, похотливым, оскорбителем (*μοιχός, λαγρός, ὀβριστής*)³⁵. Поскольку характеристика эта вполне согласовывалась с тоном многих стихов Архилоха, в нее вполне вписывалась также история Ликамба и его дочерей, доведенных до самоубийства язвительными нападками оскорбленного поэта.

Наиболее раннее подтверждение существования этой традиции относится к началу эпохи эллинизма. На обрывке папируса III в. до н. э., хранящегося в одном из колледжей Дублина, дошли до нас остатки фиктивной эпитафии, написанной от лица дочерей Ликамба. Здесь девушки, обращаясь от первого лица к прохожему (традиционная форма эллинистической псевдоэпитафии!), жаловались на своего соотечественника с каменным сердцем: своим злоязычием, облеченным в ямбы, он довел девушек до петли³⁶. Едва ли можно сомневаться, что в полном тексте эпитафии было названо имя Архилоха, как оно названо в сохранившейся цели-

³³ Pindari carmina cum fragmentis. Ed. B. Snell. Ed. 3, p. II; Fragmenta. Lipsiae, 1964, p. 23—24, v. 35—53.

³⁴ Page D. Sappho and Alcaeus. Oxf., 1955, p. 261—265; Tsagarakis O. Self-Expression in early Greek lyric, elegiac and iambic poetry. Wiesbaden, 1977, p. 2 f.

³⁵ Ael., Var. Hist. X 13 = Critias, fr. 44 Diels — Kranz.

³⁶ Bond G. W. Archilochus and the Lycambides: a New Literary Fragment. — Hermathena, 1952, v. 80, p. 2—11; Peek. Op. cit., S. 46—49. Предположение Блюментала (A. von Blumenthal. Die Schätzung des Archilochos im Altertume. Stuttgart, 1922, S. 20), что источником легенды о самоубийстве дочерей Ликамба является Каллимах, остается ничем не доказанным. См. Treu M. Archilochos. — In: RE, Supplem. 11, 1968, S. 148, 156; Degani E. Note sulla fortuna di Archiloco e di Ipponatte in epoca ellenistica. — QU, 1973, v. 16, p. 85, n. 14.

ком столь же фиктивной эпитафии Диоскорида (А. Р. VII 351), отделенной от Дублинского папируса всего лишь несколькими десятилетиями. «Мы, дочери Ликамба, — гласит их речь, — которые вытянули мрачную славу, клянемся священной клятвой погибших, что мы не опозорили ни своего девичества, ни родителей, ни Пароса, первого среди священных островов. Но на наш род излил страшную хулу и мрачную славу Архилох. Мы же не видели его ни на улицах, ни в великом святилище Геры — клянемся в этом богами и демонами. А если бы мы были похотливы и необузданны, он не захотел бы родить от нас законных детей». Хотя здесь и нет, собственно, речи о самоубийстве девушек, но их заверение, что они оказались в Аиде, не опозорив своего девичества, предполагает преждевременную смерть, наступившую до замужества. Этот же мотив звучит еще в одной эпитафии, приписываемой некоторыми Мелеагру. И здесь девушки клянутся Аидом и Персефоной, что они сохранили невинность до гробовой доски и пострадали в общественном мнении только в результате оскорбительных ямбов Архилоха, опозоривших их девическую честь (А. Р. VII 352).

Как видим, уже в эллинистическую эпоху существовало представление о женоненавистнике Архилохе³⁷, заклеившем позором дочерей Ликамба. Эта версия получила отражение и у Горация (ep. 6, 11—14; epist. 1, 19, 23—25, 30—31), который говорит, правда, лишь об одной дочери Ликамба, загнанной в петлю хулой Архилоха. В более поздних источниках число жертв поэта начинает колебаться: называют то двух дочерей (А. Р. VII 69), то трех (А. Р. VII 71), то одну Необулу, то в придачу к ней — самого Ликамба и даже его жену. Существует также версия, что и сам Архилох, преследуемый друзьями Ликамба, был либо изгнан, либо убит ими, либо вовсе покончил жизнь самоубийством³⁸.

Достоверность подобных сообщений давно вызывала подозрение у филологов³⁹. Новый эпод придал этим сомнениям дополнительный импульс, поскольку в нем ситуация со сватовством Архилоха получает совсем иное освещение: не он домогается руки Необулы, а она — близости с ним. И хотя теперь Архилох решительно отказывается от этого союза и продолжает чествовать свою бывшую суженую на чем свет стоит (и в новом эподе, и в следующем за ним на Кельнском папирусе), ясно, что Необула не только жива, но и проявляет к поэту недвусмысленный интерес.

Неадекватность античной биографической традиции, несогласованность ее с новым эподом и побудили некоторых исследователей выдвинуть достаточно парадоксальную точку зрения, согласно которой вообще вся история взаимоотношений Архилоха с Ликамбом и Необулой является фиктивной. Поскольку в самой природе ямба, возникшего из ритуала Деметры, лежит срамление как один из элементов магии плодородия, постольку те объекты осмеяния вымышлены Архилохом и являются постоянными масками (stock—characters) культового поношения⁴⁰. Согласиться с этой точкой зрения нельзя по целому ряду причин.

Во-первых, имя Ликамба встречается в надписи III в. до н.э., найденной в развалинах Архилохеяна на Паросе; здесь сообщается, что

³⁷ См. свидетельства в изд. Веста (прим. 5), с. 15.

³⁸ Там же с. 63 сл.

³⁹ *Piccolomini A. Questionum de Archiloco capita III.* — *Hermes*, 1883. В. 18, S. 264—266; *Hendrickson G. I. Archilochus and the Victims of his Iambics.* — *AJPh*, 1925, v. 46, p. 101—124; *Gallavotti C. Archiloco.* — *PP*, 1949, № 11, p. 130—153; *Tarditi G. La nuova epigrafe Archilochea e la tradizione biografica del poeta.* — *PP*, 1956, № 47, p. 124—127.

⁴⁰ *West M. L. Studies in Greek Elegy and Iambus.* В., 1974, S. 22—33; *idem. Archilochus ludens; Koenen. Poetica*, S. 507 f.; *idem. Papyrology...*, p. 43; *Henderson. Op. cit.*, p. 159—161; *Lefkowitz. Op. cit.*; *Nagy. Op. cit.*, 191—193; *Van Sickle. Archilochus...*, p. 13. См. вполне основательную полемику с этой точкой зрения: *Bonanno M. G. Nomi e soprannomi archilochei.* — *MH*, 1980, v. 37, p. 65—74, 86; *Bossi F. Appunti per un profilo di Archiloco.* — *Quaderni di storia*, 1981, v. 7, № 13, p. 121—131.

Ликамб вместе с отцом Архилоха Телесиклом был послан паросцами в Дельфы, чтобы спросить Аполлона о судьбе государства⁴¹. Хотя эта надпись, составленная неким Мнесиепом, содержит такие легендарные подробности, как явление муз юному Архилоху и пророчество, полученное его отцом в Дельфах, едва ли можно сомневаться в том, что в качестве спутника Телесикла в ней было названо реально существовавшее лицо, а не носитель некой ритуальной маски.

Во-вторых, имя Ликамба встречается несколько раз в подлинных текстах Архилоха (фр. 54 — в какой-то связи с его дочерью; фр. 60; 71; ср. фр. 57,7, где упоминается имя Дотада, т. е., согласно Гесихию, того же Ликамба, сына Дота). Архилох призывает в свидетели Зевса, что он «не отведал брака» (фр. 197), а в знаменитой басне об орле и лисице упрекал Ликамба в нарушении великой клятвы и в потере разума, вследствие чего тот стал для граждан предметом неумного смеха (фр. 172 и 173). Какой смысл могли бы иметь подобные обвинения, если бы они были направлены против некоего вымышленного лица? Что касается Необулы, то кроме обращенных против нее бранных стихов в новом эпосе имя ее встречается в фр. 118, который издавна было принято считать выражением нежных чувств к девушке («Если бы мне выпало прикоснуться к Необуле»). Однако еще Эльмслей высказал предположение, поддержанное Лассерром и Вестом, что вслед за этим стихом у Архилоха шел фр. 119, отличающийся достаточной откровенностью высказываемого в нем желания⁴². Аристофан Византийский, знавший наследие Архилоха, несомненно, лучше, чем современные филологи, сообщает, что Архилох называл Необулу потаскухой, используя для ее характеристики еще целый ряд не менее выразительных синонимов (фр. 206—209)⁴³. Предположить, что вся эта сила ненависти, владеющая Архилохом и находящая выражение в его яростных стихах, вызвана к жизни некоей бесплотной фольклорной маской, значит заподозрить древнегреческого поэта в совершенно бессмысленной растрате творческих сил.

В-третьих, даже тот жанр, в котором употребление постоянных масок изучено достаточно надежно (я имею в виду древнюю аттическую комедию), как раз показывает, что их привлечение имеет смысл только тогда, когда фольклорный образ совмещается с конкретной, реально существующей, хорошо всем знакомой личностью. Поэтому у Аристофана в «Облаках» главный объект обличения не просто безымянный шарлатан, а Сократ, и во «Всадниках» — не столь же безымянный хвостун, а Кожевник, за которым сразу же угадывался Клеон. Ярко выраженная персональная инвектива против фиктивных персонажей среди граждан маленького полиса лишена всякого смысла. Наконец, попытка увязать имя Ликамба с термином ямб или расшифровать «говорящее» имя Необулы как «склонная к новым решениям» ($\nu\epsilon\omicron\varsigma + \beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\alpha\iota$), т. е. «непостоянная», «ветренная», столь же мало продуктивна, как расшифровка любого греческого имени: Архилох — «начальник отряда»⁴⁴, Демосфен — «сильный связью с народом» или «придающий силы народу», — к счастью, никто еще пока не усомнился в их существовании!

Таким образом, в биографии Архилоха, надо думать, был какой-то реальный повод, породивший нападки на Ликамба и его дочерей. Другой вопрос, в какой мере соответствовала действительности та оценка Необулы, которую давал ей оскорбленный жених, — здесь как раз уместно вспомнить о традициях фольклорного поношения, ограниченных набором общих мест применительно к объекту нападков. Для женщины самым

⁴¹ Inscr. Mnesiep. E¹¹I 44 sq.

⁴² См. Gerber D. E. Archilochus fr. 119W. — Phoenix, 1975, v. 29, p. 181—184. Впрочем, автор напрасно отрицает возможность отнесения этих стихов к Необуле.

⁴³ Может быть к Необуле относились также еще более решительные стихи — см. фр. 41—43, 48, 66.

⁴⁴ Ср. Rankin. The new Archilochos..., p. 16.

уязвимым местом оказывается, естественно, ее нравственность и внешность. И вот Необула, едва ли достигшая тридцати лет⁴⁵, выводится морщинистой старухой, утратившей очарование молодости из-за того, что была доступна чуть ли не каждому встречному (ст. 18—25, 36—40); девушка из знатной ионийской семьи изображается ненавистной публичной девкой с распухшими ногами (фр. 206) — правды во всем этом не больше, чем в нападках Катулла на изменившую ему Лесбию. О влиянии Архилоха на Катулла мимоходом высказался в конце прошлого века Крузиус⁴⁶; после опубликования новых фрагментов Архилоха в XXII томе Оксиринхских папирусов сопоставление Необулы с Лесбией сделал С. Я. Лурье⁴⁷; сейчас, уже на новом материале, к этой мысли столь же закономерно пришел Кёнен⁴⁸, к сожалению, почти никем не поддержанный.

Между тем, для хода наших рассуждений о существе Кельнского эпода этот вывод имеет принципиальное значение: если ситуации, в которых Архилох выводил Необулу, являются вымышленными, то почему следует принимать за чистую монету и тот рассказ, который он передает в новом эподе? Вполне возможно, что на Паросе вовсе не было девушки, именованной дочерью Амфимедо, и эпод придуман главным образом для того, чтобы лишней раз высмеять Необулу, противопоставив ей юное и чистосердечное создание.

Открытие Кельнского эпода побуждает по-новому взглянуть и на другие, ранее известные фрагменты Архилоха.

Так, знаменитые стихи о солнечном затмении, которое заставило людей поверить в самые неожиданные шутки природы (фр. 122), рассматривалось обычно как свидетельство растерянности поэта перед непостижимостью мира. Теперь обратили внимание на сообщение Аристотеля, что эти слова были вложены Архилохом с целью порицания в уста отца, говорящего о своей дочери (Rhet. III 17, 1418 b 28). Был ли направлен этот прием снова против Ликамба или Архилох выводил какое-то другое действующее лицо⁴⁹, в любом случае подтверждается мнение, что это стихотворение напоминало своеобразный мим⁵⁰.

Структуру, в значительной степени сходную с построением нового эпода, дает большой отрывок в триметрах, дошедший на папирусе (фр. 23 = P. Oxy. 2310, фр. 1 кол. 1, ст. 1—21). Вопрос о содержании этого отрывка нельзя считать до сих пор окончательно решенным; нет согласия также в том, представляют ли ст. 22—39 из той же папирусной колонки (фр. 24) новое стихотворение или окончание предыдущего⁵¹. Так или иначе ясно, что ст. 8—21 представляют собой речь рассказчика, отвечающего на какие-то слова беседующей с ним женщины (ἡμεῖς βόλη, 7 — ср. P. Köln. 6): «Женщина, ничуть не бойся дурной славы у людей. О ... я позабочусь. Успокойся. Неужели тебе кажется, что я дошел до такого несчастного состояния? Я оказался бы жалким человеком, каким я на самом деле не являюсь, и не от таких я произошел. Я умею быть другом друзьям, с врагом же враждовать и злословить (?)» (9—15). Дальше начинается не очень понятное рассуждение о каком-то городе, которого мужи когда-то не разо-

⁴⁵ В том случае, если она вправду «двое старше» (ст. 16) совсем юной собеседницы Архилоха. К еще более мрачному толкованию *δὲς τὸς ἡ* см. *Heinrichs. Op. cit.*, p. 12.

⁴⁶ RE, V. 2, 1896, col. 506.

⁴⁷ Рец. на кн.: *The Oxyrhynchus Papyri*, P. XXII and XXIII. — ВДИ, 1959, № 3, с. 194.

⁴⁸ *Koenen. Poetica*, S. 508 f.

⁴⁹ См. *Peek W. Die Archilochos-Gedichte von Oxyrhynchos*. II. — Ph, 1956, B. 100, S. 2.

⁵⁰ *Gallavotti. Archiloco*, p. 142 s.

⁵¹ *Rankin H. D. Archilochus* (Pap. Oxy. 2310, fr. 1, col. 1). — *Eranos*, 1974, v. 72, p. 1—15. Там же — предшествующая литература, среди которой не учтены, однако, толкования С. Я. Лурье (ук. соч., с. 191—195) и О. Лендле (*Lendle O. Archilochos, politischer Ratgeber seiner Mitbürger*. — In: *Politeia und Res publica*. Wiesbaden, 1969, S. 47—51), достаточно, впрочем, проблематичные.

рили (?), а участница разговора теперь взяла копьём и этим заслужила славу. Ст. 22—39 обращены, судя по всему, к другу, вернувшемуся вопреки опасениям из Гортины. Какая связь может быть между этими двумя кусками, остается неясным, несмотря на все попытки толковать их как единое целое.

Как бы то ни было, речь персонажа, сохранившаяся в ст. 8—21, очень напоминает монолог из нового эпода. Произносил ли ее от своего лица автор или он передавал содержание какой-то беседы, свидетелем которой он оказался, или какого-то мифологического эпизода, в любом случае перед нами еще один кусок «мимического» повествования. К этим наблюдениям прибавляется еще одно соображение.

Давно признано, что архаическая лирика формируется в рамках половозрастных содружеств и обращена к их участникам в первую очередь. Носили ли эти объединения культовый (фиасы) или «светский» характер⁵², не имеет в данном случае принципиального значения. Важно, что не раз встречающиеся у Архилоха поименные обращения подтверждают наличие у поэта аудитории друзей-единомышленников, ждущих от него очередного сообщения. Начало такого рода повествования представлено, в частности, в фр. 168: «Эрасмонид Харилай, самый любимый из друзей, я расскажу тебе смешную историю, и ты насладишься слушая». Тот же случай — фр. 185: «Я расскажу вам некую басню, Керикид, неся печальную весть»⁵³. Аналогичное обращение содержится в фр. 196, написанном тем же, нигде более не встречающимся у Архилоха размером, что и второй стих эподического двустушия, принятого для Кельнского эпода: «О друг, укрощает меня расслабляющее члены желание» (ἀλλο μὲν ὁ λυσιμέλης ὠταίρε δάμναται πόθος). Закономерным представляется вывод, что приведенный стих взят из начала нового эпода⁵⁴; сообщив адресату о своем состоянии, рассказчик переходит к описанию встречи с девушкой; затем следовал ее монолог (с бередины которого начинается папирусный текст), его ответ и заключительная сцена.

Следует ли отождествлять в этом случае рассказчика с автором стихотворения? Мнения исследователей на этот счет разошлись. Те, кто считает девушку младшей сестрой Необулы, а целью эпода — очередное поругание обеих дочерей Ликамба, признают за говорящее лицо самого Архилоха⁵⁵. Те, кто не видит в новом эподе намерения оклеветать ни в чем не повинную девушку, склоняются к мысли о фиктивном характере всего повествования, не исключая, впрочем, обличения Необулы⁵⁶. Вторая точка зрения представляется мне более вероятной — именно потому, что в тексте эпода нет никаких признаков отрицательной характеристики собеседницы автора. В целом Кельнский эпод можно рассматривать как стихотворную новеллу с вымышленными персонажами, в которой выступающий от 1-го лица рассказчик, конечно, не совершенно отде-

⁵² Ср. Russo J. Reading the Greek Lyric Poets. — Arion, 1973/74, v. 1, p. 710, 721; Bonanno. Nomi, p. 87; Bossi. Appunti, p. 129.

⁵³ Ср. также обращение к Главку в контексте явно эротического стихотворения — фр. 48, стр. 5—7. От обращений, вводящих такого рода повествование, следует отличать призывы к друзьям, носящие характер побуждения к действиям или к размышлению. См., например, фр. 13,1; 15; 88; 89, 28; 105,1; 131,1.

⁵⁴ Попытку воссоздать предшествующий ему триметр см.: West. Two notes..., p. 45 f. Ряд исследователей относят к недошедшей части эпода фр. 38 (см. West. Poetica, p. 484; Van Sickle. The New Erotic Fragment..., p. 125 f.; Stoessl. Op. cit., S. 254), но для этого надо сначала доказать, что девушка — сестра Необулы.

⁵⁵ Rankin. The Cologne papyrus..., p. 606; Sisti. Op. cit., p. 221; Rösler, Op. cit., S. 299 f., 305; Gentili. Archiloco, p. 10 s.

⁵⁶ Van Sickle. Introduction, p. 136; Henderson. Op. cit., p. 160, 167; Lefkowitz. Op. cit., p. 181 f.; Tsagarakis. Op. cit., p. 42 f. Промежуточную позицию занимают Дегани (PGGE, p. 38—41) и Парсонс (op. cit., p. 3). О несовпадении личности говорящего с личностью автора см. еще до открытия Кельнского папируса: Dover K. The Poetry of Archilochos. — In: Archiloque. Sept exposés et discussions. Vandoeuvres — Geneve, 1964, p. 209—211.

лен от автора (лично архилоховским является и отношение к Необуле, и жизненные впечатления, отразившиеся в финале), но и не тождествен ему. Если это толкование верно, то оно открывает нам доступ к самому начальному этапу формирования в древнегреческой литературе образа лирического героя, что можно считать важнейшим достижением греческой лирики по сравнению с эпосом.

Вопрос о соотношении греческой лирики и гомеровского эпоса в последнее время снова привлек внимание исследователей. Концепция, выработанная около пяти десятилетий тому назад при участии Бруно Снелля и Германа Френкеля, согласно которой становление индивидуальности в творчестве Архилоха происходит через полемическое переосмысление эпических идеалов и эпического словоупотребления, подвергается сейчас натиску с нескольких сторон⁵⁷. Мы не можем касаться здесь всех возникающих в этой связи вопросов. Отметим лишь, что в отношении Архилоха сделаны весьма интересные наблюдения над сходством его жизненного пути (как мы представляем его себе на основании поэзии Архилоха и античных свидетельств о нем) с судьбой того критянина, за которого выдает себя на Итаке неопознанный Одиссей⁵⁸. В самом деле, в жизнеописании этого вымышленного персонажа фигурирует и происхождение от богатого отца и матери-рабыни, и жажда приключений на суше и на море, и даже щит, брошенный ради спасения жизни (Od. XIV 200—231, 262—280). В сущности, внутри «Одиссеи» уже вызревает образ героя, от имени которого ведется повествование, но отнюдь не тождественного рассказчику (в отличие, например, от воспоминаний Нестора или Феникса в «Илиаде» XI 669—760; IX 447—495). В «Одиссее», однако, этот вымышленный образ — маска, за которой по тактическим соображениям прячется Одиссей в ожидании решающего подвига, и Евмей, слушающий его рассказ, не подозревает о том, что за старым лицом скрывается творец преподносимого ему вымысла. Для друзей, внимающих Архилоху, различие между автором и его героем, говорящим о себе в 1-ом лице, уже составляет — насколько мы можем судить на основании Кельнского эпода — одну из предпосылок существования самого жанра лирического повествования.

Другое отличие — в смещении интереса к составным частям рассказа. Вскоре после опубликования Кельнского эпода была высказана мысль о его сходстве со знаменитой сценой обольщения Зевса в «Илиаде» (XIV 292—353)⁵⁹. Иногда привлекают для сравнения и более короткий эпизод — встречу Елены с Парисом, вынесенным из боя Афродитой (III 426—448)⁶⁰. Я прибавил бы сюда еще две сцены из «Одиссеи»: расставание героя с Калипсо (V 201—227) и первую встречу с Киркой (X 321—347) — этот эпизод особенно удобен для сравнения, поскольку рассказ в нем ведется от первого лица и составляет, таким образом, определенную аналогию к эподу Архилоха. Однако сходство между новым эподом и названными выше сценами не так велико, как кажется. Во-первых, Зевс и Гера, Парис и Елена, Одиссей и Калипсо представляют собой сложившиеся пары, для которых — в отличие от девушки у Архилоха — соединение не является чем-то не испытанным, волнующим своей новизной.

⁵⁷ В отношении языка см. *Page D. Archilochus and the Oral Tradition.* — In: *Archiloque* (см. прим. 56), p. 117—163; *Russo. Op. cit.*, p. 711 f.; *Van Sickle. The New Erotic Fragment...*, p. 153—155; *Henderson. op. cit.*, p. 159. В отношении идеологии см. *Russo J. The Inner Man of Archilochus and the Odyssey.* — GRBS, 1974, v. 15, p. 139—152. См., однако, достаточно обоснованные возражения по части языка у Кэмпбелла и Риша (прим. 63).

⁵⁸ *Latte K. Zeitgeschichtliches zu Archilochos.* — *Hermes*, 1964, B. 92, S. 385—390; *Seidensticker B. Archilochus and Odysseus.* — GRBS, 1978, v. 19, p. 5—22.

⁵⁹ *Bossi. Note...*, p. 14 s.; *Van Sickle. The New Erotic Fragment...*, p. 126—129. Каким образом можно согласовать постулируемую Ван Сиклем «теснейшую параллель» между эподом Архилоха и гомеровской сценой с его же утверждением, что Архилох никогда, может быть, не слышал о Гомере (с. 153—155), остается на его совести.

⁶⁰ *Stoessl. Op. cit.*, S. 245 f.

Во-вторых, Гера, Калипсо и Кирка сами выступают (явно или тайно) в роли соблазнительниц, так что по сравнению с персонажами Гомера участники встречи у Архилоха меняются ролями. Не слишком много и чисто лексических соответствий между эподом и его постулируемыми прототипами в эпосе⁶¹. Самое же существенное различие состоит в том, что в эпических описаниях практически отсутствует заключительный эпизод, так обстоятельно разработанный Архилохом: в сценах Париса с Еленой и Одиссея с Калипсо и Киркой финалом служит краткая фраза; в сцене Зевса и Геры непосредственно к его речи примыкает сравнительно обширная картина природы, расцветающей вокруг ложа супругов (XIV 346 — 353), — к изображению их чувств весь этот изысканный орнамент никакого отношения не имеет.

С этой точки зрения гораздо поучительней завершение любовного эпизода в гомеровском гимне к Афродите, где влюбленная богиня играет перед Анхисом роль невинной девушки, только уступающей его настояниям. Но и здесь в детальном описании действий Анхиса (ст. 155 — 165) бросается в глаза существенное отличие от архилоховского эпода. В гимне подробно излагается, как устроено ложе, к которому направляются влюбленные, как Анхис снимает с Афродиты пряжки, застежки, браслеты, развязывает на ней пояс и складывает сияющие одежды на стуле, украшенном серебряными гвоздями. У Архилоха, напротив, с немислимой для эпоса откровенностью изображаются любовные ласки. Там, где эпос ограничился бы стандартной формулой (что-нибудь вроде *φιλότισι μύνητες*)⁶², лирический автор — впервые на нашем уровне знания древнегреческой поэзии — раскрывает интимный мир своего героя, причем средством для этого служит все та же «эпическая» лексика, но значительно переосмысленная. Важнейшие примеры этого переосмысления читатель легко извлечет хотя бы из параллельных мест, приведенных в нашем аппарате; подробнее об этом в специальных исследованиях⁶³.

Конечно, после открытия микенской письменности, отодвинувшего начало истории древнегреческого языка на 500—700 лет по сравнению с Гомером⁶⁴, после исследований, выявивших существование в «долитературное» время поэтических диалектов⁶⁵, никто не может с уверенностью сказать, являются ли новые значения слова или фразеологизмы, которые представляются нам теперь переосмыслением эпического словоупотребления, результатом нового взгляда на мир или лирический поэт черпал их из общего для всех поэтических жанров лексического фонда⁶⁶.

⁶¹ Наиболее очевидное из них: Ил. XIV 337 сл. — Арх. ст. 2 сл.

⁶² В этом смысле показательны одинаковые стихи, вложенные Гомером в уста Париса и Зевса: III 441 = XIV 314, III 446 = XIV 328.

⁶³ «Еще однозначнее, чем Гесиод, Архилох теперь дает понять, что развитие послегомеровского языка начинается уже очень рано» (*Risch. Op. cit., S. 228*). «Мало новых слов, но достаточно много примеров нового употребления старых» (*Campbell. The Language... p. 156*). См. также Ярко В. Н. Эпическая традиция и лирический герой в Кельнском эпосе Архилоха. — Труды научной конференции в Тбилиси в 1980 г. «Историчность и актуальность античной культуры», ТГУ (в печати).

⁶⁴ Гротовский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973, с. 64—102.

⁶⁵ Гринбаум Н. С. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев: Штиинца, 1973, с. 8—12, 22, 26; *он же*. О диалектной основе языка древнегреческой хоровой лирики. — ВЯ, 1977, № 1, с. 56—61.

⁶⁶ За две недели до сдачи статьи в набор я получил от своего миланского коллеги А. Алони его только что вышедшую книгу: *Aloni A. Le Muse di Archiloco. Ricerche sullo stile archilocheo*. Copenhagen, 1981, в которой вся вторая часть посвящена Кельнскому эподу (с. 73—144). Алони исходит из убеждения, что творчество Архилоха принадлежит к области *oral poetry*, и под этим углом зрения исследует его стиль, находя в нем многочисленные формулы, свойственные гомеровскому эпосу. Параллельно в книге ставится ряд вопросов, затронутых и в настоящей статье: одновременное существование жанров эпоса и лирики в догомеровской поэзии (с. 25, 27, 89, 92, 116 сл.); фиктивный характер эпизода, составляющего содержание Кельнского эпода (с. 132 сл., 136 сл., 144); сравнение его со сценой Одиссея и Кирки (с. 110—112) и многие другие. К сожалению, я уже не имел возможности учесть книгу А. Алони в моей статье.

Но бесспорным остается, что в процессе становления известной нам письменной зафиксированной греческой литературы лирика занимает в области идеологии то место, которое раньше принадлежало эпосу. Кельнский эпод Архилоха дает новое подтверждение этой старой истины.

A NEW EPODE OF ARCHILOCHOS

V. N. Yarkho

In analysing *P. Colon. inv. 7511* (Köln Papyri II 58) one must start from the indubitable fact that in lines 16—25 and 36—40 Archilochos is attacking Neoboule. As for the girl the narrator is talking to — a certain daughter of Amphimedo — she is not a relative of Neoboule and is probably an invented person. There are reasons for this conclusion: (1) the text of the epode gives no ground for suspecting Archilochos of wishing to revile the person he is talking to for whom he plainly feels affection, in the presence of fellow citizens. (2) At the same time the girl's involvement in a sufficiently dubious love affair must have given her a bad reputation, with which the poet is clearly not concerned. (3) This contradiction can be resolved only by supposing that the tale told in the new epode is an invention and the characters in it are the fictional personae of a love story. If this is so, the new epode may be regarded as the earliest example in lyric poetry of a hero who is not identified with the author.

But it is impossible to agree with the recently current opinion to the effect that Lykambes and his daughter, the objects of Archilochos's merciless invective, were in fact only folklore types required as objects of iambic mockery, the aim of which was the magical stimulation of the productive forces of nature. The attacks by Archilochos upon Lykambes and Neoboule were undoubtedly provoked by real happenings, but typologically these attacks go back to the devices of folklore vilification, which takes no account of the true moral qualities of its victims. In this sense the character given to Neoboule is perceived as a distant precursor of the unfaithful and treacherous Lesbia, a character created by Catullus six centuries later.